

f u n k y b o o k s

БУЛАТ
ХАНОВ

НЕПОСТОЯННЫЕ
ВЕЛИЧИНЫ
f u n k y b o o k s

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Оформление серии *Елены Окольциной*

Ханов, Булат.

X197 Непостоянные величины / Булат Ханов. —
Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104887-7

Что мы знаем о современной школе? Или даже так: что мы знаем о современной школе — после Гай Германики и Алексея Иванова, у которого географ глобус пропил?

Булат Ханов — новый голос поколения — последовательно развивает тему, уже во втором подряд романе обращаясь к отношениям преподавателей и учеников. Выпускник филфака МГУ Роман едет в Казань, чтобы устроиться в школу учителем русского и литературы и поставить над собой эксперимент: как долго сможет молодой специалист протянуть в обычной школе?

Финал эксперимента и предсказуем, и неоднозначен... Ад просачивается в человека малыми дозами. Но что человек может противопоставить этому аду?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ханов Б., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN ISBN 978-5-04-104887-7

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

У него были свои счеты с Христом и с фариисеями.

Бравый пенсионер в майке и трико альпийского цвета всеми способами привлекал к себе внимание с боковой полки. Едва тронулись, он представился Сергеем Дмитриевичем и каждому предложил баранки и хлеб с изюмом. Роман нехотя слушал легенду о блудном сыне, который многократно возвращался к всепрощающему Сергею Дмитриевичу после бесплодных скитаний. Легенда незаметно перетекла в размытые рассуждения о том, что правда крепче семейных уз, зато любовь к человеку важнее и сильнее правды. На майке человеколюба проступил пот. Из-за храпа пенсионер не давал покоя даже во сне. Наутро Сергей Дмитриевич неизвестно к чему вспомнил Пахмутову и Добронравова и развил вечернюю мысль, прибавив, что истина заложена в любом из нас и нужно учиться говорить с Богом, дабы постичь ее. Уклоняться от беседы с закаленным моралистом стоило усилий.

Сосед напротив, благодушный толстяк Михаил, также задавал вопросы. Каверзные, однако из разряда привычных. Как зовут? Откуда? С какой целью держит путь? Толстяк утверждал, что Москва — красивый

город, а Казань еще красивее. Рекомендовал отведать татарской кухни и съездить в аквапарк. Когда пенсионера заносило на нравоучительных виражах, Михаил подмигивал Роману и улыбался, точно выказывая снисхождение к старому чудаку. Шутки ради толстяк утром поинтересовался у Сергея Дмитриевича, чем гражданский кодекс отличается от нравственного, на что услышал гневную отповедь. Вечером Михаил заказал себе и Роману чай с лимоном, прелюбезно держась с проводницей. А при сдаче белья свернул все в комок, долго высморкавшись в белое полотенце напоследок.

Вопросы Михаила не подразумевали никаких ответов, кроме однозначных, поэтому Роман говорил коротко, воображая себя агентом под прикрытием. Он из Москвы. Студент. Гуманитарий. (Это правда.) Социолог. (Неправда.) Едет повидаться с другом по переписке. (Неправда.) В Казани впервые, хотя за пределы МКАД выбирался. Санкт-Петербург, Геленджик. Друг, зовут Шамилем, встретит на вокзале и по канонам гостеприимства покажет город. Спасибо за наводку с местной едой и аквапарком.

На Романа волной нахлынуло оживление, подзабытое и оттого мощное. Он с трудом сдерживался, чтобы не начать возбужденно вышагивать по вагону взад-вперед, чтобы не достать из чемодана флажку с текилой, чтобы не разрушить образ приятного студента с неразвитыми коммуникативными навыками. К черту отзвуки и отголоски: эхо родительских увещаний и ее выпадения из его жизни, эхо сорванных с петель дверей и подорванных мостов за спиной, эхо бормашинного зуда. Казалось, Роману удалили все, что можно: имя, прошлое, репутацию — дурную и добрую. Только нерв на зубе № 27 сохранили, притом не

НЕПОСТОЯННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

из жалости. Доктор, призвав на помощь хитроумные приспособления, спас зубу жизнь и забрал взамен сбережения, которые Роман прикидывал растянуть на неделю скудного существования.

По крайней мере, жевать теперь можно без опасений. Надо искать плюсы во всем, такие ходят слухи.

Дипломированный филолог, за плечами годы фриланса. Биография из заурядных. А вот с целью поездки неясность неясная. Когда ты навеки проклял всякий транспорт и расстояния, когда устал волочиться и ненавидишь саму идею движения, когда закупаешься текилой и виски впрок, точно вот-вот закроют границы лет на десять, когда два года застряли в горле и впереди невиданных размеров черная дыра, когда всем вокруг неловко от твоего поведения, когда вечный недосып и комплексы, когда искорежен и подавлен — это тот самый случай, чтобы записаться в социальный проект и исчезнуть. Переезд, чтобы отстраниться от себя и понять современность, которой нет, ибо есть прошлое и будущее.

Роман проснулся раньше попутчиков, в пять. Чтобы унять возбуждение, он попробовал писать письмо и бросил на третьей строке. Спящие словно подглядывали из-под сомкнутых век. Тогда письмо стало выстраиваться в голове.

«Здравствуй.

Когда ты выбрала Восток, я дал себе обещание шагу не ступать в восточном направлении. Теперь вот неразумно еду в Казань. Это не Камчатка и не Алтай, не Индия и не Япония, но тоже не запад, не север, не юг.

Зная тебя, могу предположить, что ты бы оценила мой поступок как манерный. Точнее пафосный, так бы

выразилась. Вымарывать прошлое, увеличивать дистанцию, прекрасно понимая, что расстояниями связь не разорвешь. Как ни верти. Вертеть, терпеть, обидеть, зависеть, смотреть, видеть, ненавидеть, любить.

Передавай привет горам и шаманам. Я буду писать. На бумаге, разборчивым почерком. И отсылать, куда фантазия заведет. Первое письмо черкну, например, Карлу Людвиговичу Самоедову из Липецка. Улица Оружейных Баронов, д. 19, кв. 84, 150813. Карл Людвигович одинок, ему будет лестно получить пару теплых строчек, пусть и не предназначенных для него».

К тому времени как Роман закончил сочинять, соседи по вагону проснулись. Сергей Дмитриевич зевал, прикрыв рот костлявой ладонью, Михаил пересказывал жене подробности удивительнейшего сна, в котором они катались по парку аттракционов в карете.

Если бы ни эта необходимость все держать в тайне. Как дьявол, интересно, заманивая простаков, борется с искушением поведать о себе настоящем? Какую силу воли нужно иметь, чтобы так притворяться?

ПРИГРЕТЫЕ СОЛНЦЕМ

На первый взгляд, пригретая солнцем провинция. Точнее бы назвать утомленной, если бы не избыточные ассоциации.

Покинув поезд, Роман последовал по указателям, протискиваясь сквозь вокзальный люд. Сновали коммерсанты с пирожками и водой и носильщики с тележками. Пацаненок, если верить надписи на кепке, — сотрудник ФБР, дергал мать за платье, настаивая на

НЕПОСТОЯННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

сахарном петушке. Две старухи в галошах спорили, с хвоста или с головы поезда пронумерованы вагоны. Пререкались они вяло, потому что распалившееся солнце, казалось, отбивало всякую охоту резких движений и решительных действий. В голосе, объявлявшем рейсы, тоже мнилась сонливость.

Вокзал и прилегающая к нему площадь на удивление внушали доверие. Мелкие бандиты с угрюмыми рылами, облаченные в «Абибас» среднеазиатского покроя; нечесанные бродяги в тулупах, продирающие веки на скамейках; окурки, фантики, обрывки туалетной бумаги под ногами — все это словно убрали с глаз долой к прибытию столичного гостя, любителя путешествовать. Смущали, правда, таксисты, да и те не пугали, лишь озадачивали. Они шли напролом против всех правил маркетинга. Держащиеся в командах по трое-четверо, таксисты носили одинаковые рубашки и джинсы, одинаковые куртки и кепки, безразлично повторяли одни и те же слова, завлекая клиентов. Даже лица у них были схожие, не располагавшие.

Роман оставил в камере хранения два чемодана, а с портфелем и ноутбуком поехал по первому адресу — на улицу Красной Позиции. Некий Андрей Леонидович сдавал там однокомнатную за десять, а в шаговой доступности располагались две школы с вакансиями. Район рядом с центром, что немаловажно. Есть где погулять. Потому что квартира по второму адресу — на Гагарина — находится в монотонном спальном районе, который словно один на всю Россию, с клонами от Калининграда до Владивостока. Если в ментальном поиске переезжать в другой город, то вплотную к его сердцу, иначе нет смысла.

Неделями рисуя в воображении Казань, Роман допускал три версии, почти не стыкующиеся друг с другом.

В первой властвовал дикий контраст между центром и периферией. В центре по прихоти элиты проводились мировые форумы, Всемирная летняя универсиада и чемпионат мира по водным видам спорта, а на периферии текла самая будничная пятиэтажная жизнь с пьянством, скандалами и поножовщиной. Будущее детей определялось на генетическом уровне: в центре они рождались избалованными и испорченными, на периферии — озлобленными и обреченными. Кто-то из горожан имел два автомобиля, кто-то перемещался в переполненном трамвае, лязгающем, как ведро с гвоздями. Ночью город превращался в шум. В сердце асфальт сотрясался от гвалта корпоративов и ночных клубов, пока по краям, в рюмочных, с хрустом разбивались носы и проламывались черепа, а на пустырях лезли драться стенка на стенку.

Во второй версии Казань представала тихой провинцией, бессобытийной и однообразной. Милые и сердечные бюргеры неспешно прогуливались по тенистым аллеям и бормотали под нос песни, давно выпавшие из хит-парадов и горячей ротации. Почти все были знакомы между собой, а гостей из иных краев сразу зазывали на чай и исподволь, точно ненароком приучали к своим нравам и обычаям. Все отдавалось на откуп середнячкам. Здесь не водилось ни гениев, ни злодеев, так как все неповторимое и угловатое, сточив зубы, либо растворялось в кислотно-заедающей среде, либо исторгалось из дружной семьи середнячков без права на возвращение. Стихи во второй Казани писали охотно, но исключительно в класси-

НЕПОСТОЯННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

ческих формах и без претензии на эксперименты, а проза начиналась с испытанных образов вроде крепнущего мороза.

Согласно третьей версии, город отличался местным колоритом. На поверхностный взгляд, Тюмень, Брянск, Чебоксары, Хабаровск, Петрозаводск — какая москвичу разница? Безусловно, если копнуть, то за каждым этим названием кроется своеобразие, целый культурный пласт. Казань завлекала национальным своеобразием. К узнаваемой общероссийской ментальности, где в странных пропорциях перемешались отфильтрованные установки из «Домостроя», советские привычки и самые безвкусные образцы западной культуры, в Казани добавлялись этнические оттенки. Так как фундаментализм не приветствовался, женщин, конечно, не заставляли носить хиджаб и паранджу, а непристойная административными мерами русская речь слышалась всюду. При этом модно было надевать тубетейки, громко говорить на татарском и по-дружески подкалывать Ивана: помнишь, мол, как ваши словили под Калкой, а?

В каком бы обличье ни предстал город, подразумевалось, что его населяют люди самолюбивые, сребролюбивые, гордые, надменные, злоречивые, родителям непокорные, неблагодарные, нечестивые. Люди более сластолюбивые, нежели боголюбивые, и имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Роман, вместо того чтобы от них удаляться, шел к ним, чтобы говорить с ними и их наставлять.

Платить за проезд оказалось проще, чем в московских автобусах. Водитель, смуглый южанин, на правильном русском объяснил, что турникетов в казанском наземном транспорте нет, и указал на кон-

дуктора. Купив билет с рекламой пластиковых окон на оборотной стороне, Роман занял сиденье у окошка. Обхватив руками портфель и сумку с ноутбуком, он наблюдал, как мимо проплывают старые дома, залатанные и не очень, автобусная стоянка, рынок. На остановке южный водитель рискнул обогнать коллегу по цеху по второй полосе, едва не подрезав успевший в последний миг сбавить скорость «Рено». В награду смельчак получил два истошных сигнала в спину.

Взгляд Романа зацепился за здание с голубой покато́й крышей и площадь с фонтанами рядом с ним. За площадью простирался водоем, на акватории которого белели многочисленные лодки и катамараны. Роман тут же забросил удочку в поисковик на смартфоне. Здание — театр имени Галиаскара Камала, родоначальника татарской драматургии, комедиографа, разбавлявшего собственное творчество адаптированными переводами из Островского. Ну-ну. Постановки в театре идут строго на татарском языке, в том числе пьесы Шекспира, Мольера, Джармуша. Занятное зрелище, должно быть. Так. Фонтаны светомузыкальные, а площадь с ними — в ряду обязательных для ознакомления достопримечательностей. Это неинтересно. Надо долго жить в норе или в пещере, чтобы тебя изумили светомузыкальные фонтаны. Водоем — древнее озеро Кабан, окутанное сонмом легенд и преданий. И на Кабане действует прокат лодок.

Во вторую встречу с К. они катались на лодке. Она категорически не принимала слово «свидание», ни в первый раз, ни после.

Увлечшись переходом по ссылкам, Роман едва не пропустил остановку. Чуть не подумал назвать ее своей, да какая она своя.

К полудню сделалось еще более душно. В горле пересохло, так что перво-наперво Роман забрел в «Пятерочку» за минералкой. Как всегда, в магазине планы скорректировались. Глаз упал на лимонад, а еще проснулся голод. В итоге кассир пробил «Буратино», сырную булочку и «Орбит» с перечной мятой. А ведь стоматолог предостерегал от жвачек.

Набрал номер.

— Здравствуйте, Андрей. Я обещал позвонить. Не отвлекаю вас?

— Роман ведь? Нет, не отвлекаете. Во сколько будете?

— Можно не в час, а чуть пораньше? Уже приехал, в принципе готов подойти сейчас.

— Я тоже на месте. Дом найти легко, в нем еще «Шаром-даром» магазин и «Наша марка».

Роман посмотрел баланс. За разговор с владельцем квартиры вычли двадцать с копейками. Без местной симки не обойтись.

Путь на улицу Красной Позиции проходил через мост над железной дорогой. Ветка пролегла в широком овраге и исчезала за поворотом вдалеке. Светлые новости. Когда нагрянет неодолимая хтонь, известно, что в двух шагах разъезжают составы, груженные товаром и пассажирами. Лев Николаевич, думается, немало способствовал популяризации гибели под колесами поездов. Впрочем, это все Гете виноват со своим Вертером. Скольких надоумил, и не счесть.

Улица Красной Позиции растянулась вдоль оврага. Повсюду росли деревья. Кособокие, кучерявые, ветки местами спиленные. Из домов преобладали хрущевки,

также встретились два старых общежития и вытянутое строение, смахивающее на казарму. Нужный адрес Роман отыскал быстро.

Идиллический двор, спрятавшийся среди домов-близнецов, порождает тоску по вымышленному времени, когда все были равны и счастливы и довольствовались малым. Роман насчитал пять скамеек — все с голубыми сиденьями и красными ножками. Три из них облюбовали бабки. Еще выделялась железная беседка, не предназначенная, очевидно, для уединения, потому что она находилась на виду у сотен окон. Трава здесь словно и не стригли. Если бы не автомобили под окнами и домофоны на подъездах, во дворе хоть завтра можно было снимать семейную сагу о жизни при Брежнев.

Хозяин, худощавый Андрей, предстал в водолазке и черных джинсах. Он приступил к представлению квартиры без раскачки.

— Я в курсе, что сдаю ниже рыночной стоимости. Сам живу за городом, в Казань наведываюсь нечасто. Дом хороший, три года назад проводили капремонт. Окна, как видишь, не на солнечную сторону, поэтому не жарко. Зимой топят исправно, мерзнуть не станешь. Не Москва, но прилично.

Завершив последнюю фразу, Андрей на мгновение замер, остановив взгляд на госте, точно ожидая капризов от столичного фрукта. В хозяине, несмотря на отсутствие могучей стати, все равно безошибочно подмечалось нечто мужицкое, не измеряемое рейтингами и социальными опросами. Не составляло труда вообразить, как Андрей колет дрова или, расстелив на асфальте куртку, сосредоточенно латает что-то в брюхе машины.

НЕПОСТОЯННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

— Куришь?

— Нет.

— Тогда ладно. Потому что балкона тоже нет. Если вдруг закуришь, то во дворе.

— Не буду. У меня астма, — соврал Роман, чтобы прозвучало убедительнее. — Скажите, пожалуйста, диван раскладывается?

— Конечно. Показать?

— Спасибо, я разберусь.

Андрей повел Романа на кухню. Если в комнате был постелен линолеум песчаного цвета с крапинками, местами вздувшийся, то на кухне хозяин положил кафель. Допотопная газовая плита просилась в утиль, зато навесные шкафы, микроволновка и вместительный холодильник производили впечатление надежных товарищей.

Чиркнув спичкой, хозяин зажег последовательно три огня на плите.

— Вторая конфорка нерабочая, предупреждаю. Что касается посуды, то вся есть. Кастрюля и сковорода тоже.

— А духовка работает?

— Пашет. Вчера картошку жарил.

Тесной ванной комнате Роман выставил бы четверку с минусом. Задвижки на двери не было, плотно она и не закрывалась. Смеситель мужественно доживал свой век. До четверки по пятибалльной шкале ванная дотягивала благодаря стиральной машине, чудесным образом размещенной в крохотном пространстве так, чтобы не загораживать прохода. Пахло одеколоном.

Андрей опустошил сливной бачок, словно заверяя в его исправности.

Они вернулись в комнату.